
На ярком надувном матрасе, спиной вверх, лежало большое и толстое тело. Исполин пришел на пляж и повалился на матрас вскоре после обеда; похоже, заснул, потому что с тех пор не изменил положения, даже не шевельнулся. Близился вечер. Постепенно курортники расходились, торопясь на ужин. На спящую гору никто не обращал внимания.

Я наблюдала за человеком-горой с момента, когда он появился на пляже, накачал матрас и плюхнулся на него. Наблюдала не специально, просто смотрела в ту сторону, чтобы заранее обнаружить на пляже настырного кузена и вовремя скрыться. Настырный кузен совсем не походил на заснувшего исполина, напротив, был худой как жердь. Однако тело на матрасе настолько отличалось от других телес на пляже, было таким громадным, что невольно приковывало взгляд, и я то и дело поглядывала на него. И даже с завистью подумала: наверняка такому битюгу ничего не стоит поднять самый большой чемодан. Хотя, основываясь на многолетних наблюдениях, тут же решила, что у этого громилы все чемоданы на колесиках. Вот такие глупые мысли приходили в голову, не иначе, умственное затмение

нашло... Сидела я, значит, поглядывая издали на человека-гору краем глаза и высматривая кузена.

Через полчаса пришлось сменить диспозицию. Настырный кузен вылез-таки из прибрежной рощицы на дюнах и двинулся в моем направлении, вертя головой во все стороны. Я загодя успела спрятаться под чьим-то тентом недалеко от исполина на матрасе. Кузен прошел совсем близко и, к счастью, меня не заметил, но зато, подлец, сам расположился на песке поблизости и все крутил головой. Того и гляди обнаружит мое укрытие. К тому же выяснилось, что тент принадлежал семейству с тремя неимоверно шустрыми и громкоголосыми детьми. И пяти минут не прошло, а они уже успели насыпать мне в волосы кучу песка, с помощью мокрого мяча вырвать книгу из рук и проехаться по ногам какой-то чертовой ветряной мельницей на занозистых колесах. И при этом так пронзительно вопили, что я и без кузена бы не выдержала. К тому же криками и беготней милые детки привлекали всеобщее внимание, кузен поневоле проявлял к этому участку пляжа особый интерес. Нет, надо сматываться, пока не поздно.

И я осторожно перебралась в более отдаленную часть пляжа, поближе к неподвижному телу. Не

шевелится? Ну и что, мне какое дело, не стгорит, ведь уже порядочно загорел, да и солнце на балтийском побережье не такое уж убийственное.

Я на ужин не торопилась и решила — не двинусь с места, пока не удалится кузен, пусть даже останусь одна на пляже. Кузен, я знала, свято придерживался графиков приема пищи, что вселяло определенную надежду.

Такое лишенное теплоты отношение к родственнику имело, увы, свои причины. Кузен Зигмусь отравлял мне жизнь регулярно. Впервые произошло это довольно давно, когда мне было лет пятнадцать, а ему девятнадцать. Именно в ту пору он влюбился в меня, Христом Богом клянусь — без взаимности. Мне он страшно не нравился, и даже непонятно почему. Вроде бы нормальный парень, ничего особенно отвратного в нем не наблюдалось, не кривой, не горбатый, даже не очень прыщавый, а вот поди ж ты! Я прямо-таки смотреть не могла на него, а он упорно и последовательно пользовался любым случаем, чтобы схватить меня в объятия и носить на руках, отнюдь не скрывая далеко идущих matrimониальных планов. Он приходился мне такой дальней родней, что препятствий для вступления в брак не имелось, но одна мысль об этом

порождала в моем смятенном разуме самые страшные концепции, начиная самоубийством и заканчивая насилием. Тогда, по молодости, я не могла понять, чем объяснялось мое отвращение к Зигмусю, и лишь повзрослев, раскрыла эту тайну: Зигмусь был неврастеником, одержимым манией величия, и вообще придурком. Так что, выходит, меня спас здоровый инстинкт.

К сожалению, склонность ко мне у Зигмуса с возрастом не прошла, а какие-никакие родственные связи облегчали ему возможность общения со мной. В последние годы его вера в себя все возрастала, и в настоящее время кузен считал себя гением сразу в нескольких областях науки и культуры. Естественно, проявлениями своей гениальности или по меньшей мере недюжинного таланта Зигмусь во что бы то ни стало желал поделиться со мной, вот и таскал, даже на пляж, кучу всевозможных бумаг — научные труды, официальные письма, воззвания и даже поэтические произведения. Господи, сжался надо мной! Мало того, знакомя с этими творениями своего гения, кузен то и дело хватал меня за коленку, целовал в локоток или прижимал к своей мужественной груди. И так уж мне не повезло, что отдохнуть он вздумал как раз там,

куда я вынуждена была приехать по очень важной причине, и ни возможности, ни желания уезжать не имела.

Если бы я не проявила бдительности и Зигмусь меня заловил, мне бы пришлось все послеобеденное время просидеть в воде, а ведь Прибалтика — это вам не какая-нибудь Полинезия. Да и море, боюсь, не остановило бы Зигмуса, он бы полез за мной в воду и продолжил знакомить со своими творениями, то и дело хватая за ноги и стаскивая с матраса в морские волны. И еще считал бы это жутко остроумным, совершенно игнорируя мое неумение плавать. Нет, предвидя это, я не фантазировала, а по опыту знала, что так бы оно и вышло. И к тому же эта его раздражающая, идиотская привычка до одури повторять слова, словно забивая их молотком в память собеседнику!.. С ума сойти!

Тем временем пляж постепенно пустел. Одной из последних его покидала семья с тремя горластыми детьми. Зигмусь удалился раньше, он всегда старался поспеть к ужину вовремя. Исполинское тело, о котором я почти забыла, по-прежнему неподвижно лежало на матрасе.

Неприятное открытие сделал средний из умных безобразников, мальчик лет четырех. Я хотела

подобрать к нему какое-то другое, более подходящее определение, но так и не придумала: в природе просто не существует ничего столь же непоседливого, неугомонного, вертлявого. Естественно, он не шел, а неся на всех парах, не разбирая дороги. Меня как-то, к счастью, не задел, споткнулся в нескольких метрах дальше и свалился на упомянутое тело. И вскочил с оглушительным визгом:

— Мама, оно холодное! Этот пан такой же холодный, как мороженое! Мама, купи мороженое!

Закаленные родители не отреагировали на вопли чада, но холодным паном заинтересовалась сестренка вертуна, стрекоза-попрыгунья годиком старше. Подбежала, тут же притворилась, что споткнулась, подобно братику, и тоже повалилась на лежащего мужчину под дикие вопли и восторженный хохот всей троицы.

Ну и случилось то, что должно было случиться. Восторженный хохот мгновенно сменился испуганными, тревожными криками.

— Папуля! Этот пан не такой, как другие. Он замороженный!

— Мамуля! Этот пан не настоящий, он из камня!

— Ой, этот пан искусственный! Он из холодного камня!

Родителям невоспитанных детей явно было наплевать, как их отпрыски ведут себя по отношению к окружающим, но тут даже их проняло. Не столько замороженный пан, сколько отсутствие реакции со стороны мужчины, на котором прыгали трое расшалившихся разбойников, привлекло внимание и их, и немногочисленных оставшихся на пляже курортников. Подошли и остановились молодой человек с девушкой.

— Может, солнечный удар? — неуверенно предположил молодой человек. — Я врач...

— Надо же, как везет некоторым! — завистливо прокомментировала толстая баба в ярком халате, тоже остановившись рядом. — Чуть что, и врач под рукой! А вот когда мне надо — не допросишься...

— Езус-Мария, а он и в самом деле как ледяной! — взвизгнула мать кошмарных деток, осторожно пощупав неподвижно лежащее тело. — Гжесь, Малгося, а ну отойдите!

И она подхватила младшенького, который рвался из ее объятий к мороженому пану с воплем, не уступающим по децибелам паровой сирене. Судя по поведению Гжеси и Малгоси, те готовы были когтями и зубами разорвать замороженного на мелкие кусочки.

— Помогите мне! — обратился молодой человек к папочке этих цветов жизни. — Надо его перевернуть.

Еще до того, как молодой врач поставил диагноз, я поняла, что произошло. Вот интересно, что скажет теперь завистливая баба в цветастом халате? А вокруг нас уже собралась небольшая кучка зевак, привлеченная необычным происшествием. Странно, откуда они взялись, мне казалось, на пляже почти никого не было.

Зато был самый настоящий труп, лежащий в нескольких метрах от меня. Я могла встать, спустить воздух из своего матраса и отправиться по делам. Такой большой и толстый труп — не особенно привлекательное зрелище. Но я не ушла, победило ощущение собственной ответственности. Или, точнее, чувство долга, мой тяжкий крест, пронесенный сквозь всю жизнь. Я долгое время находилась недалеко от умершего человека, могла оказаться свидетельницей — самой обычной или бесценной, — или подозреваемой, поскольку почему бы не предположить, что я причастна к его смерти? Наверняка менты принялись бы меня разыскивать, зачем создавать им дополнительные трудности? Лучше я буду у них под рукой. А исполин мог скончаться от банального

сердечного приступа, так что никакого преступления. Однако расследование все равно будут проводить.

— Неприятная история, — проговорил молодой врач, нахмутив брови. — Придется вызвать полицию. Человек мертв, и вообще я в отпуске.

Машина «скорой помощи» и полиция прибыли одновременно. В ожидании их я просидела на том же месте, только надела платье, а из матраса сделала кресло. Доктор отправил свою девушку на ужин, а сам остался ждать вместе со мной.

Полиция вела себя как ей и положено. С ними приехал фотограф и принялся щелкать своим аппаратом. Меня, разумеется, сразу заметили. Командант полиции подошел ко мне тут же после короткого разговора с доктором.

— Здравствуйте, я знаю пани, но на всякий случай... паспорт у вас с собой? И может, вам знаком умерший? Или хоть где-то видели его?

Паспорт и водительские права я всегда брала с собой и безропотно их предъявила. Теперь оставалось взглянуть на труп, ничего не поделаешь. Поднявшись с песка, я подошла к мертвому телу и посмотрела на лицо умершего, совершенно не предполагая, что увижу. А увидев, чуть сама не пала трупом на месте.

Езус коханий, Гавел!

— Вы и сами знаете, у отца было железное здоровье, он и тропическую жару переносил, не моргнув глазом, — говорил мне убитый горем Яцек, сын Гавела. — И солнечный удар случился бы скорее в какой-нибудь Флориде, а не у нас на Балтике. Или в Касабланке, или другой какой Бразилии, черт возьми. А в последнее время он очень следил за здоровьем, давление в порядке, сердце как у семнадцатилетнего! Что с ним случилось, от чего, холера, человек может вот так помереть, ни с того ни с сего?!

— От убийства, — мрачно ответила я. — Сама бы хотела лучше типун на языке занять, но другой причины не вижу. Самоубийство к Гавелу никак не подходит. Самоубийство и Гавел — вещи взаимоисключающие.

— А они тут что?

— А они, как им и положено, произведут вскрытие. В таких случаях обязаны. Не здесь, на курорте, а в Новом Дворе. Признаюсь, я тоже удивлена, ведь я знала твоего отца многие годы.

— Может, он съел что?..

— Возможно. Гавел любил рыбу.

— Проше пани, я с ними поеду в Новый Двор. Вскрытие, сами знаете, можно сделать по-разному. И добросовестно, и спустя рукава... Прослежу лично!

И Яцек умчался. Я стала прикидывать, куда отправиться, чтобы побыть одной, чтобы Зигмусь не добрался до меня. Хотелось спокойно все обдумать. Смерть Гавела меня потрясла. Вот такая — внезапная, в нескольких шагах от меня.

Гавела¹ я знала лет тридцать, если не больше, и всегда относилась с симпатией к этому удачливому и талантливому предпринимателю, энергичному, жизнерадостному человеку. В свое время мы оказали друг другу большие услуги и навсегда сохранили дружбу, хотя в последние годы встречались нечасто.

Тот факт, что я сразу не опознала Гавела в громоздком теле, свалившемся на матрас, ничего не значит. Любовником моим Гавел никогда не был, без одежды и в идиотской кепке с козырьком мне его видеть не приходилось. Возможно, я узнала бы его, не напяль он этот головной убор. А так лежит

¹ Читателям Иоанны Хмелевской этот персонаж знаком по роману «Проклятое наследство».

некто спиной вверх, ничком, поди узнай даже хорошего знакомого. К тому же кого-кого, а Гавела на пляже в Морской Крынице я никак не ожидала встретить. Очень богатый с незапамятных времен, он обычно отдыхал на всевозможных экзотических курортах, и я бы не удивилась, увидев его где-нибудь в Рио-де-Жанейро, Майами, Биаррице, Палермо... Но не здесь!

И вот Гавел умер. Странно как-то умер...

Впрочем, и меня в это спокойное, безмятежное курортное местечко привели совсем не идиллические побуждения. Меня просто заставили сюда приехать. Ну, не физически заставили, а воздействуя на психику. Да, то самое гипертрофированное чувство долга, ответственности...

В данном случае на психику воздействовал некий Болек. Сколько он мне стоил сил душевных — никаким пером не описать. А опекала я его потому, что в очень давние времена была смертельно влюблена в отца Болека. На меня, сопливую девчонку, будущий отец Болека (последнего, естественно, в ту пору и в проекте не было) если и обращал внимание, то, так сказать, в негативном плане, усматривая во мне воплощение всех зол земных. В общем, разбил мне сердце, а потом